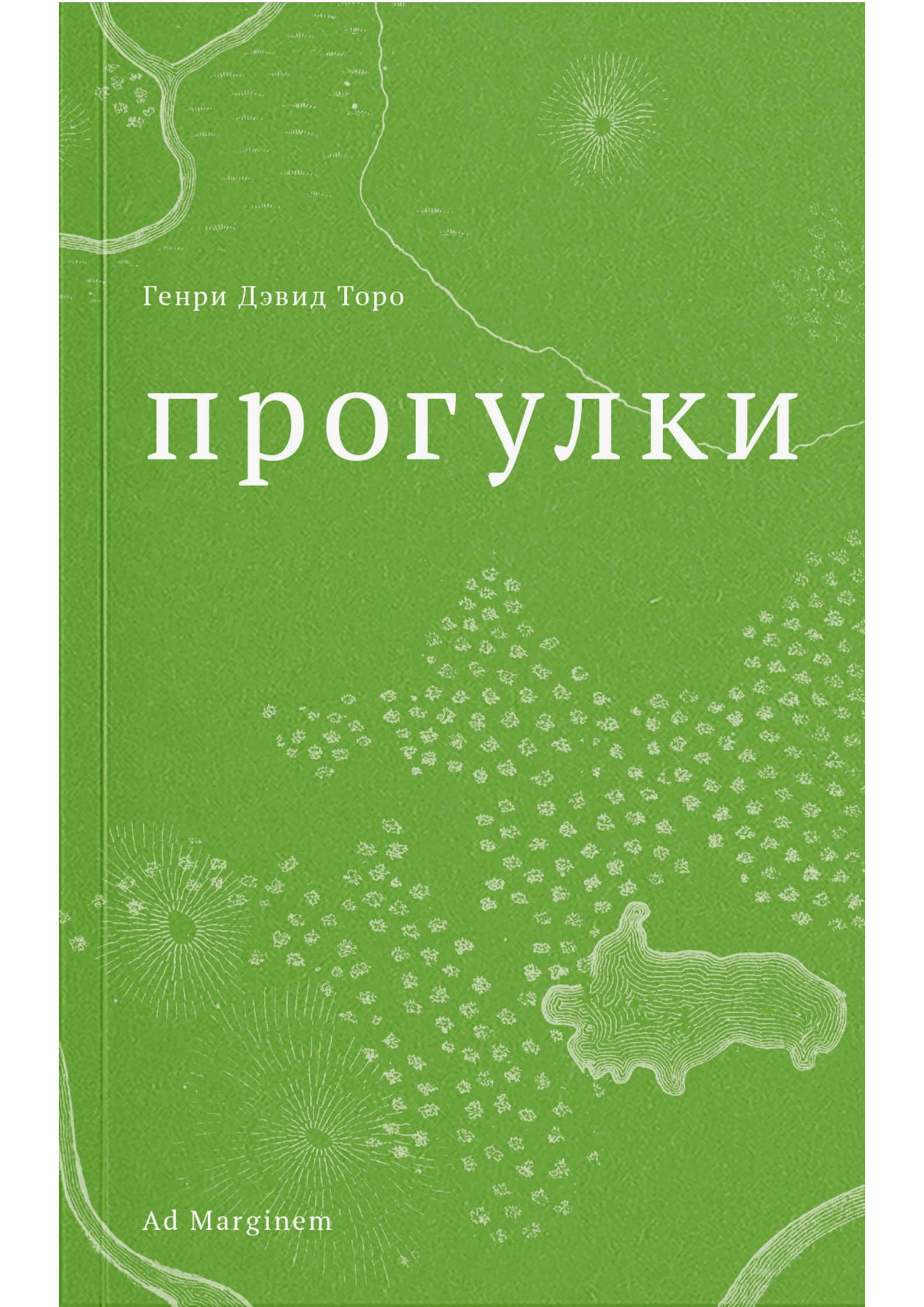

Генри Дэвид Торо

прогулки

Ad Marginem

Генри Торо

Прогулки

«Ад Маргинем Пресс»

1854

УДК 13:364-787.226
ББК 87:84стд1-445.5

Торо Г. Д.

Прогулки / Г. Д. Торо — «Ад Маргинем Пресс», 1854

ISBN 978-5-908105-24-8

Американский писатель и философ Генри Дэвид Торо (1817-1862), автор знаменитого «Уолдена», провел жизнь в тесном контакте с природой. Лирическое эссе «Прогулки» — квинтэссенция многолетних наблюдений Торо, один из ключевых текстов американской натурфилософии и экологической мысли. Опубликованная посмертно в 1862 году, эта работа выходит за рамки жанра, превращаясь в глубокое исследование феномена передвижения. Писатель одним из первых воспринял ходьбу как важнейший инструмент познания себя и окружающего мира, а искусство неспешного странничества — как тихий бунт против суетливого ритма жизни, насажденного цивилизацией. Читая книгу, мы совершаем неторопливую прогулку по лесам, вместе с автором размышляем о магии дикой природы, о притягательности Запада как символа неизведанного и о том, почему для сохранения рассудка человеку необходимо отстраняться от утилитарного мира.

УДК 13:364-787.226

ББК 87:84стд1-445.5

ISBN 978-5-908105-24-8

© Торо Г. Д., 1854

© Ад Маргинем Пресс, 1854

Содержание

Хожение в глушь	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Генри Торо Прогулки

Henry David Thoreau
Walking

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2026

* * *

Хождение в глушь

Представим себе далекое время и место: вечер среды 23 апреля 1851 года – городок Конкорд, штат Массачусетс. Из проживавших в нем двух тысяч человек несколько десятков собрались в местной унитарийской церкви на очередную лекцию по программе Американского лицея. Этот почтенный институт, созданный для распространения полезных знаний, за четверть века существования распространился в разные штаты, но именно в Массачусетсе процветал как нигде. Тут было кому поддерживать начинание ежегодными взносами, было кому слушать лекции и было кому их читать: сам Ральф Уолдо Эмерсон, известный всей Америке оратор и эссеист, жил в Конкорде и выступал перед земляками не только охотно, но и бесплатно. Генри Дэвид Торо, лектор, поднявшийся на кафедру в тот апрельский вечер, тоже был из местных, – младший член эмерсоновского кружка трансценденталистов, многим присутствующим знакомый по-соседски. Отец его держал карандашную фабричку, небольшое семейное производство, – сын отучился в Гарварде, но за пробежавшие с тех пор полтора десятилетия ничем не отличился и даже профессии себе не выбрал. Жил в родительском доме или временами в доме Эмерсона в качестве секретаря и помощника, подрабатывал то учителем, то землемером, а то еще, по собственному выражению, «инспектором ливней и снежных бурь». Последнее подразумевало многочасовые прогулки по окрестным лесам и полям, без цели, какой-либо выгоды и почтения к чужим заборам. На ходу и по пути он что-то записывал, на полях шляпы приносил домой ботанические образцы. Иногда путешествовал дальше – по рекам Конкорд и Мерримак, в леса Мейна, на полуостров Кейп-Код, – но тоже недолго и тоже без определенной цели. Самую знаменитую из своих экскурсий Торо предпринял на Уолденский пруд – всего в паре километров от города, пятнадцать минут быстрым шагом. Весной 1845 года, позаимствовав у соседа топор, он соорудил там скромное жилище общей площадью четырнадцать квадратных метров и День независимости США, 4 июля, отметил переездом. У пруда он прожил два года, два месяца и два дня, наблюдая за природой, размышляя и работая над текстами сразу двух книг, из которых первую – «Неделю на реках Конкорд и Мерримак» – опубликовал на собственные средства в 1849 году. Затея оказалась неудачной: из тысячи заказанных экземпляров несколько десятков были раздарены, еще пара сотен распродана постепенно, а оставшийся тираж издатель Джеймс Мунро в 1853 году выслал автору, чтобы освободить чердак. Автор описывал ситуацию с горькой иронией: располагаю домашней библиотекой в девятьсот томов, из которых семьсот сам же и написал, – разве не удовольствие для писателя созерцать ежедневно плоды собственного труда? Неудивительно, что книгу «Уолден», вторую из написанных на пруду и в итоге главную в его жизни, писатель не выпускал из рук аж до 1854 года: правил, переделывал снова и снова, о публикации говоря не иначе, как с подчеркнутым равнодушием. Например, он сравнивал себя с кустом барбариса, который озабочен исключительно производством плодов, а не тем, оценит ли кто их сладость.

При жизни Торо остался малоизвестен, прослыл чудачком и приобрел репутацию, буквально сотканную из противоречий: домосед, которому не сиделось на месте, интроверт с радикальной социальной позицией, преданный друг и радатель за человечество, подозреваемый в мизантропии. С лекциями он выступал чаще, чем публиковался, но всё равно редко: семьдесят четыре раза за двадцать лет (Эмерсон – правда, за сорокалетнюю карьеру, – более полутора тысяч раз). Пошутил однажды: читаю лекции так, чтобы не позвали вторично, и благодаря этому не повторяюсь. Что ж, судя по сохранившимся суждениям слушателей, оратором Торо был неважным: бубнил, глядя в рукопись, говорил интересно, но зачастую темно, растолковывать себя даже не думал и еще меньше стремился потрафить вкусу аудитории. «Лектор всерьез обращается лишь к тем, кто ему самому подобен, приспособление к публике с его стороны –

не более чем вежливость»¹, – так он комментировал в дневнике эту вполне принципиальную свою стратегию. И хоть иронии, поэзии, остроумия, юмора в его речах содержалось с избытком, были они того сорта, что не всяк расслышит.

Большинство произведений Торо созревали путем многократных преобразований: подорожные заметки переносились в дневник, дневниковые записи давали материал для лекций, лекции превращались со временем в печатные тексты. Так получилось и с лекцией, которую вам предстоит прочитать: изначально Торо возлагал на нее большие надежды (на первой странице рукописи, использованной в апреле 1851 года, написал: «Я полагаю это своего рода введением ко всему, что, возможно, напишу в будущем»²), и в дальнейшем читал в разных аудиториях не менее десятка раз. В июле того же года, вскоре после собственного дня рождения, оставил в дневнике такую запись: «И вот мне тридцать четыре, а жизнь едва ли началась. Как много ее таится в зародыше! Столь велик разрыв между моим идеалом и нынешним состоянием, что я, можно сказать, еще не родился. Есть чувство общности, но общества нет. Жизнь слишком коротка, чтобы преуспеть в ней каким-то определенным образом. И едва ли подобное чудо может постигнуть меня в следующие тридцать четыре года. Похоже, что времена моего духа сменяются медленнее, чем в природные сезоны, – я живу в другом ритме, но против ничего не имею. Круговорот состояний в природе, даже моей собственной, протекает не в пример быстрее, но разве это обязывает меня к спешке? Пусть всяк шагает под музыку, которую слышит, в своем особом ритме. Разве важно, чтобы внутреннее мое созревание происходило с быстротой роста яблони? Или дуба? Разве не может моя природная жизнь, в той мере, в какой она также и сверхприродна, быть лишь весенне-детской фазой жизни моего духа? Стоит ли поторапливать весну в лето? Разве не лучше пожертвовать завершенностью, слишком поспешно и мелочно достижимой здесь, ради полноты, достигаемой там?»³

Этой бережной ненасильственностью отношения к жизни можно восхититься, но... в распоряжении Торо не было следующих тридцати четырех лет. Туберкулез в позапрошлом веке был смертельной болезнью, и весеннее начало жизни оказалось ее кульминацией. В конце 1850-х здоровье резко ухудшилось, и зима 1860/1861 года оказалась его последним лекторским сезоном. Уже в виду неизбежного конца в январе 1862-го он получил от Джеймса Филдса, редактора бостонского журнала *The Atlantic Monthly*, предложение – дать небольшой материал для публикации (возможно, то был результат благотворительного вмешательства Эмерсона). Решено было подготовить к печати четыре лекции, но времени, увы, не осталось. 11 марта рукопись отправилась к Филдсу, однако полученную от него издательскую верстку читал, скорее всего, уже не сам Торо, а помогавшая ему сестра София. Так эссе, которое он полагал введением, стало первой посмертной публикацией. Теперь впервые она становится доступна по-русски.

В связи с этим стоит заметить, что перевод прозы Торо труднее, чем чтение, и так же труден, как перевод поэзии. Играющий метафорами текст рассчитан на активное соучастие читателя – он скорее побуждает к производству смысла, чем его в себе заключает, и, по сути, исключает однозначность прочтений. Взять хотя бы название лекции, изначально – двойное: *Walking, or The Wild*⁴. Оба слова просты, куда проще, но трудно найти им точные аналоги. Вариант «Прогулки» оправдан тем, что совпадает с названием книги, в которой эссе было опубликовано почти сразу вслед за публикацией журнальной⁵. Глагол «walk» в английском языке

¹ Здесь и далее дневник цитируется по изданию: *The Journal of H. D. Thoreau in 14 vols / ed. B. Torrey. New York: Dover, 1962. Vol. 7. P. 197: <https://www.walden.org/wp-content/uploads/2016/02/Journal-8-Chapter-4.pdf>*

² *Dean B. P. A Sort of Introduction // Thoreau Research Newsletter. 1 January 1990. P. 1.*

³ *Journal. Vol. 2. P. 316: <https://www.walden.org/wp-content/uploads/2016/02/Journal-2-Chapter-6.pdf>*

⁴ Иногда Торо делил лекцию на две части, например, в феврале 1852 года, выступая в городке Плимут, с утра говорил о прогулках, вечером – о дикой природе.

⁵ В феврале 1863 года тот же Филдс напечатал книгу, которую сначала думал назвать «Полевые заметки», потом переиме-

может быть также и существительным, а форма «walking» использована в данном случае очень осознанно. Торо интересуется процесс, сама природа того повседневно-привычного действия, которое мы осуществляем, ступая поочередно ногами и ежесекундно балансируя между падением вперед и восстановлением равновесия.

Хождение как приключение

Встав на ноги шесть миллионов лет назад, человек во многом благодаря этому обрел способность говорить, думать, творить и долгое время не знал иного способа перемещения в пространстве. Потом придумал использовать дополнительную силу и стал передвигаться верхом, в экипаже, поезде, автомобиле, автобусе, самолете. Но чем совершеннее и доступнее становились транспортные средства, тем заметнее пешее движение стало ассоциироваться уже не с бедностью и низким социальным статусом, а, наоборот, с привилегией – наличием досуга, свободы и навыка ими распоряжаться. «Ходьба таит в себе нечто такое, что оживляет и заостряет мои мысли, – писал Руссо в «Исповеди», – я почти совсем не могу думать, сидя на месте; нужно, чтобы тело мое находилось в движении, для того чтобы пришел в движение и ум»⁶. Неспешность прогулки располагает пешехода к сосредоточенности и наблюдательности, говорит косвенно об интеллектуальной автономии и эстетической чуткости. А как разнообразны и выразительны стили гуляния – от строгой методичности Канта до вдохновенной стихийности романтических «прогульщиков», как Гёльдерлин, Вордсворт, Кольридж. Им наследовали городские фланеры, сюрреалисты с их блужданиями, ситуационисты с их дрейфами и так далее, вплоть до современных практиков walking art. Так складывалась традиция, в которой прогулка – не аристократический променад, не буржуазный моцион для здоровья, не полезно-познавательная экспедиция, не детективное разыскание... что же? Форма полноценного присутствия в мире, – когда сознание, тело и среда, мысль и движение соединяются, как ноты в едином аккорде, под знаком взаимной рефлексии.

Соседи и знакомые Торо вспоминали его шаг – широкий (хотя ростом он был невысок), ровный, легкий, – шаг, в котором не было танцевальной грации, а было что-то «индейское» или «солдатское». Шагом он часто пользовался как естественной мерой длины, работая землемером, но больше ценил в прогулках импровизационное качество. Упорно предпочитал бездорожье и всячески избегал очевидных удобств, сопряженных со «следованием за»: «Поверхность земли мягка и легко принимает отпечатки человеческих ног, – читаем мы в финале „Уолдена“, – так обстоит и с путями, которыми движется человеческий ум»⁷. Но оказаться в плену следа, отпечатка, пусть даже собственной ноги, тем более протоптанной тропы или наезженной колеи – это для Торо невыносимо. Тропа – плод привычки, дорога – результат властного освоения пространства, ни в том ни в другом он не видит ценности. К тому же дорога всегда ведет к полезной цели, будь то бакалейная лавка или извозчиный двор, а безлошадному, безземельному пилигриму такая цель опять-таки не интересна. Пеший странник независим от институтов, он представляет человечество в целом и сам себя относит к «четвертому сословию», состоящему из сообщающихся на расстоянии родственных душ.

Хождение в дикую природу (the Wild) Торо мыслит как приключение и путешествие, независимо от его протяженности. Об этом нам напоминает странная фраза в начале «Уолдена»: *I have travelled a good deal in Concord*. Впрочем, в переводе Зои Александровой она звучит уже не странно: мы читаем: «Я много бродил по Конкорду» – и перестаем чувствовать драгоценный парадокс близости-как-дали. Убежденность в том, что из любой точки можно с лег-

новал в «Прогулки» («Excursions»): девять ранее опубликованных эссе Торо с предисловием Эмерсона.

⁶ Цит. по пер. М. Розанова, Д. Горбова.

⁷ Торо Г. Д. Уолден, или Жизнь в лесу / пер. З. Е. Александровой. М.: Наука, 1980. С. 373.

костью попасть на край земли, где не ступала нога человека, превращает простейший акт – пойти пройти – в род религиозной практики. Готовясь к прогулке, объявляет нам Торо, надо оставить отца и мать, сестру и брата, детей и друзей, раздать долги, написать завещание, освободиться от всех мирских обязательств...

Глушь как граница

Пуритане, в том числе основатели Конкорда (землю они прикупили у индейцев за бусы и топоры, но всё же не отняли, – отсюда название поселения: «согласие», «соглашение»), описывали словом *wilderness* пустыню, пространство тяжких испытаний, где человек осаждаем со всех сторон богопротивными силами. Праведники, предохраняясь от ужасов одичания, доказывали свою преданность божественному «ковенанту» (тоже род «соглашения»), покоряя, возделывая природу и читая ее знаки как аллегорические послания свыше. Торо тоже природу читает, но не как набор символов, предполагающий умственное усилие расшифровки, а как естественные иероглифы, глифы, транслирующие скорее энергию, чем готовые значения. И состояния природы, и жанры диалога с ней разнообразны: она может «симпатизировать» человеку, а может повернуться ликом величественно равнодушным. Этот поразительный опыт постигает Торо при восхождении на гору Ктаадн как соприкосновение с первозданной материей, исполинской и грозной, которая внушает незваному гостю ощущение собственной случайности, побуждает спрашивать: «Кто же тогда ты сам?»⁸

Дикую природу Торо описывает как то, что всегда позади и всегда впереди – фронтир, рубеж, выходя на который человек теряет себя и находит заново, следовательно, сохраняет. Адаптивное самообновление – секрет развития жизни (поэтому «каждое дерево посылает свои корешки на поиски дикого состояния») и секрет творчества: «Тот, кто неуклонно продвигался вперед и не отдыхал от трудов, кто стремительно рос и бесконечно чего-то хотел от жизни, непременно очутится в новой стране или на лоне дикой природы, окруженный сырой материей жизни». Чуткостью к «сырой материи», отнюдь не возвышением над ней, определяются, по мысли Торо, высшие достижения культуры: «Нас восхищают нецивилизованные, дикие и свободные рассуждения в „Илиаде“ и „Гамлете“, во всех мифологиях и священных книгах, которые не проходят в школе». Но школьный канон предъявляет природу укрощенную, прирученную, одомашненную, – и именно в следовании канону Торо видел проблему современной ему американской словесности. Завидуя культурности европейцев, его соотечественники отчаянно подражали чужим достижениям и тем лишь усугубляли собственный провинциализм. Надежду Торо возлагает на изменения в будущем, когда «поэты со всего света будут черпать вдохновение в американской мифологии». Но, спрашивается, что такое мифология? И что он понимает под «мифологическими фактами», о которых рассуждает на страницах дневника, оговаривая, что резко расходится со здравым смыслом и имеет в виду «не те факты, что помогают людям делать деньги или фермерам выгодным образом вести хозяйство», а «факты, подсказывающие, кто я есть, где был прежде и что думал». Иначе говоря, факты для него – это сгустки опыта, они чувственно осязаемы, хотя и отмечены неопределенностью, похожи в этом на облака или туманные испарения⁹. Мифична, на взгляд Торо, поэзия Уолта Уитмена, которой как раз в 1850-х годах он оказался одним из первых читателей и ценителей. Слишком откровенная чувственность «Листьев травы» его явно коробит, но книгу в целом он полагает «очень смелой и очень американской». В Бруклине в ноябре 1856 года у них даже состоялась встреча с Уитменом и разговор, порадовавший обоих, хотя и не обошлось в нем без полемики: Уитмен заявил о своем желании «быть представителем Америки», на что Торо ответил, что сам он «невысо-

⁸ Торо Г. Д. Ктаадн // Американская повесть. Т. 1 / пер. З. Е. Александровой. М: Художественная литература, 1991.

⁹ Journal. Vol. 3. P. 99: <https://www.walden.org/work/journal-iii-september-16-1851-april-30-1852/>

кого мнения об Америке или политике», чем поэта (как сам признается в письме) «возможно, обескуражил»¹⁰.

В лекции Торо различим отзвук той патриотической, саморекламной риторики, которой американцы в XIX веке компенсировали комплекс культурной недостаточности, – с легким пародийным окрасом. Оратор готов согласиться с общим мнением: в Новом Свете небо куда как выше, воздух свежее, стужа крепче, звезды ярче, реки длиннее, леса обширнее и т. д., чем в Старом, – но спрашивает: сможет ли *Homo americanus* соответствовать этому великолепному вызову? И признает ли природа национальную принадлежность и бодрую идею прогресса? Разве не в ту же самую природу хаживали пророки и поэты древности – Мани, Моисей, Гомер, Чосер? «Если угодно, назовите это Америкой, – заключает он, – но это не Америка».

«Дикая мысль» как живая метафора

Мысль, рождающаяся на ходу, среди поля и леса, другая, чем произведенная взаперти: она более чувственна и осязаема, более равновесна и соразмерна естественному ритму движения, рассредоточена в руках, ногах и голове, в зрении, слухе и осязании. «Замеченное мимоходом и краем глаза потом еще долго витает в мыслях, чревато бесконечными смыслами, – а разглядывать предмет напрямую тем более нет нужды, что я знаю: самое важное для меня – не в нем самом, а в моих отношениях с ним»¹¹. Сложность состоит в том, чтобы этот богатый опыт отношений, взаимодействия с миром суметь освоить мыслью и передать в слове.

Гуляя в лесу, настаивает Торо, важно думать о лесе и заодно с лесом, – как думают деревья, стоя по отдельности, но сообщаясь посредством сложно переплетенной корневой системы (тут ловишь себя на том, что – да! именно так мы и движемся по тексту Торо, соединяя отдельные ходы, или узлы, или отростки мысли в подобие ризомы). Если природа говорит «без метафор»¹², то в попытках следовать ей мы, как ни парадоксально, без метафор не можем обойтись, – и речь становится разом прозрачной и темной, не объясняющей, а лишь подсказывающей, притом лишь тому, кому подсказки достаточно, кто расположен к чтению творческого, которое Торо называет «героическим».

Возьмем для примера пассаж, которым открывается лекция и который как будто не сулит неожиданностей: «Я хочу сказать слово в защиту Природы, абсолютной свободы и первозданности <...>. Я хочу сделать решительное, даже, пожалуй, эксцентрическое заявление...» Присмотримся к двусмысленному поведению предлога *for* (*I wish to speak a word for Nature*), ставшего невидимым в переводе. Намерен ли Торо сказать слово *в защиту* природы или *от имени* природы? Обе возможности заявлены одновременно, но чуть далее обе же проблематизируются. Ибо природа как субъект неизмеримо больше и сильнее человека: «Природа – личность столь широкая и всесторонняя, что мы ни разу не видели ни единой ее черты». Как защитник природы человек не может не искать в ней спасения, а говорить от ее лица он вправе лишь при условии, что радикально преобразует свой язык в подражание ее немоте. «Дикая мысль» гибка и проворна («Как дикая утка проворнее и красивее, чем домашняя, так и дикая мысль подобна крикве, что среди павших рос летит над болотами»), а потому воплощается в речи странной – гиперболической, эксцентрической, даже экстравагантной.

Такой же парадоксальной характеристикой оказывается «отрицательность» полноценного знания, никак не сводимого ни к широкой информированности, ни к догматической предубежденности. Вот, например, одно из описаний такого знания: «Жажда знаний посещает

¹⁰ The Correspondence of Henry David Thoreau / ed. W. Harding, C. Bode. NYC: New York University Press, 1958. P. 444–445: <https://www.walden.org/wp-content/uploads/2016/08/1856.pdf>

¹¹ Journal. Vol. 10. P. 164: <https://www.walden.org/work/journal-x-august-8-1857-june-29-1858/>

¹² Торо Г. Д. Уолден, или Жизнь в лесу. С. 133.

меня лишь время от времени, тогда как жажда витать мыслями в атмосферах, неизвестных моим ногам, не увядает и не престаёт. Высочайшее достижение, нам доступное, вовсе не знание, но осмысленное сострадание». И в переводе, и в оригинале лекции это вызывающе темное место. Первую фразу можно попробовать прояснить, усмотрев в ней ученую или мистическую аллюзию, например, к Эмерсону или к «Халдейским оракулам». Хотя не исключено, что здесь работает образная аналогия, пронизывающая текст в целом: мысли «витающие» и мысли «подножные» в равной мере свойственны человеку и делают его похожим на дерево – оно думает кроной и корнями, которые связаны обращением жизненных соков. Формула, венчающая вторую фразу – *Sympathy with Intelligence*, – также загадочно-неоднозначна. «Осмысленное сострадание» – вполне возможный перевод. Но возможен и другой вариант – с акцентом на сочувственной связи (*Sympathy*) с Сознательностью или «духом вселенной», который являет себя человеку не иначе как в природной, материальной воплощенности¹³. Мистикоматериалистическое кредо Генри Торо – «Я верую в лес, и в луг, и в ночь, в которой растет зерно», – настораживало современников, вызывая сомнения в его христианстве, позднейших исследователей побуждало рассуждать о связях с традицией пантеизма, но читателем его текстов воспринимается как интуитивно-понятное, художественно-убедительное.

Родственная взаимосвязь слов и вещей занимает Торо как мыслителя и как писателя. Его радует, например, то обстоятельство, что под именами, используемыми «исключительно для удобства», можно обнаружить имена «дикие»: реку, которую колонисты окрестили «Конкорд», коренные американские жители, алгонкины, называли Мускетаквид – «травяная/болотистая долина». Именно эту неудобную, трясинистую глухомань Торо и считал своей родиной – местом силы, *sanctum sanctorum*, в недрах которого вырабатывается гумус для почв далекого будущего. С поразительной легкостью, развивая этот причудливый тезис, он преобразует конкретное в абстрактное или, наоборот, заземляет пафос иронической провокацией, обращает моралистическую проповедь в комикование. Советует нам, например, излечение от меланхолии искать на болоте. А еще лучше – поселиться в доме, выходящем на непроходимую топь, и ничего, что пользоваться придется задней дверью, и сырость в погребе – небольшая беда! А если желаете возвыситься духом, почему бы для начала не залезть на дерево? Именно так поступил он сам и, хоть весь вымазался в смоле, был щедро вознагражден, обнаружив на горизонте новые горы, которые прежде не видел, а на самых кончиках верхних ветвей – нежные цветки, тоже мало кем виденные и тут же ему напомнившие о великих архитекторах древности: следуя урокам природы, они «отделяли вершины колонн так же тщательно, как подножия, которые у всех на виду».

Глушь, если задуматься, располагается совсем не там, где нам кажется! Не в природе, полной звуков, криков, голосов и эхо, а в нашей собственной интеллектуальной глухоте к ее нежным и властным зовам. «Если наша философия не слышит, как на каждом скотном дворе в пределах нашего окоема кричит петух, она отстала от жизни...» Утреннее кукареканье Торо-мифотворец ценит тем более, что и утро переживает не как часть суток, а как момент чистой радости бытия, пробуждения к новой возможности. Такому утру ничто не мешает начаться в вечерний час, ведь жизнь не знает конца, который не был бы чреват новым началом. Финал «прогулочного» эссе озарен поэтому светом закатным, но по-утреннему ярким, неповторимым и повторяемым бесконечно.

Для финала прибережен и другой, не менее важный пассаж, который открывается неприязнательно-бытовым сообщением: «На днях я прогуливался по землям Сполдинга...» Земля, которую семейство фермеров Сполдингов издавна считает своей, принадлежит одновременно

¹³ Такое прочтение подсказывает и пассаж из дневника за 9 февраля 1851 года, очевидным образом использованный в лекции: «Жажда знаний посещает меня лишь время от времени, тогда как жажда общаться с духом вселенной и опьяняться ароматами этого, скажем так, божественного нектара, не увядает и не престаёт»: *Journal*. Vol. 2. P. 150–151: <https://www.walden.org/wp-content/uploads/2016/02/Journal-2-Chapter-3.pdf>

семейству царственных деревьев. Деревья не замечают людей, как люди не замечают, что обитают в огромном доме, обустроенном отнюдь не ими. Но именно его Торо считает своим настоящим домом, в отличие от временного, по адресу Главная улица, 255: «Если бы не такие семейства, как это, я, пожалуй, и вовсе уехал бы из Конкорда».

Он не уехал. Он прожил в Конкорде всю жизнь, в глазах горожан – довольно неудачную. Даже Эмерсон, лучше других его понимавший, сетовал на отсутствие в друге честолюбия: мог бы своей мыслью направлять всю Америку, а возглавил всего лишь поход в лес за черникой. Но, возможно, знаменитый философ ошибался: тот, кого он считал своим учеником, просто мыслил отважнее, чем учитель. Поход за черникой продолжается, и следующих в нем за Торо так много, что есть риск затоптать поляну усердным почитанием классика. Аромат и сладкий вкус дикой ягоды от этого не меняются и стоят того, чтобы их неторопливо распробовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.